

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53
Л73

Публикуется по изданию
Локкарт Р. Буря над Россией:
Исповедь английского дипломата.
Рига, 1933.

Локкарт, Роберт

Л73 Буря над Россией: Исповедь английского дипломата / пер. с англ. В. Гольденберга; вступ. ст. А. В. Посадского. — М.: ООО «Военная книга», 2017. — 416 с. — (Библиотека русской революции)

ISBN 978-5-9904363-7-4

Книга британского дипломата, журналиста и писателя Роберта Локкарта создана на основе его дневниковых записей и впервые была опубликована в начале 1930-х годов. Автор, прочно вошедший в советскую мифологию революции как живое воплощение Антанты и интервенции, подрывной работы и контрреволюции, выступает на страницах своей книги внимательным и заинтересованным свидетелем революционной смуты в России.

Он останавливается на событиях первых месяцев советской власти, дает интересные и выразительные характеристики советских вождей, раскрывает подоплеку взаимоотношений в посольской и консульской среде, рисует картину деятельности иностранной миссии в России, ее внутренней жизни, взаимоотношения с другими посольствами и миссиями.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9904363-7-4

© ООО «Военная книга», 2017

Англичанин о России

Роберт Гамильтон Брюс Локхарт, — или Локкарт, как утвердилось в отечественной традиции — британский дипломат, журналист и писатель. Он прожил долгую жизнь (1887–1970), видел разные эпохи и немало написал. Данная книга — далеко не единственная у Локкарта. «Буря над Россией» создана в начале 1930-х годов, на основе дневниковых записей, которые не раз цитируются автором. Воспоминания, в которых память корректируется дневниковыми записями, — весьма ценный источник, выигрывающий в фактической точности по сравнению с воспоминаниями по памяти.

Локкарт прочно вошел в советскую мифологию революции как живое воплощение Антанты и интервенции, подрывной работы и контрреволюции. Одно из главных действующих лиц «заговора послов», он стал персонажем советских кинофильмов, возник целый ряд кино-Локкартов в хорошем актерском исполнении. Среди сыгравших Локкарта — Андрей Попов, Олег Басилашвили, Альгимантас Масюлис.

Тем важнее услышать голос этого человека. Сегодня мы имеем возможность положить рядом с книгой бывшего английского агента очень внушитель-

ную библиотеку самых разнообразных мемуаров тех, кому довелось пережить русскую революцию.

Локкарт начинает жизнь классическим «европейцем» в туземных пространствах. Вслед за своим дядей он становится повелителем табачных плантаций на Цейлоне. Там самостоятельная жизнь вдали от привычной цивилизации, там опыт общения с малайцами, тамилами и китайцами, там страстные увлечения, ошибки и опасности. С этих сюжетов и начинается «Буря...»

Локкарт выступает со страниц своей книги типичным англичанином, а может быть, специально старается попасть в тот образ англичанина — искателя приключений, энергичного и неунывающего человека, — который существовал в мире. Конечно, утверждение, что выученное наизусть письмо покинувшей его девушки-немки весьма помогло при сдаче экзамена на консульского чиновника — легкое кокетство и самоирония. Ироничных оценок много в тексте книги. Автор сам себя именует романтиком, пишет без большого сожаления, что звезд с неба не хватал и, кажется, мало озабочен выстраиванием карьеры и прочих атрибутов солидности и благополучия. Именно таким людям часто и удается много увидеть и оказаться в центре грандиозных событий, пусть и не на самых видных ролях.

Локкарт дружелюбен к России и русским, но не сентиментален, он смотрит со стороны. Для нас, сегодняшних его читателей в России, может быть, это самое ценное. Читателя подкупает непринужденный стиль. В книге нет назидательности, нет осуждения. Даже несообразности в тексте легки и забавны. Так, весьма дружелюбно описывая нового знакомого, Локкарт утверждает, что тот «на одну

треть грек, на вторую треть русский и на третью треть англичанин».

В годы Великой войны молодой дипломат работает в английском посольстве в России, а затем, на протяжении большей части 1918 года, занимает место полуофициального представителя Великобритании при совете народных комиссаров, что делает его чрезвычайно ценным наблюдателем. Дело кончается арестом и высылкой, при посредстве шведской дипломатии, из Советской России.

Локкарт, человек молодой, но уже с серьезными жизненными впечатлениями за спиной — внимательный свидетель происходящего на его глазах. Для русского читателя воспоминания Локкарта — это еще и взгляд человека, отстаивавшего в России интересы своей страны. Он смотрит заинтересованно, временами сочувственно, но это взгляд на революционную смуту человека, уверенного в том, что ему есть куда возвратиться. Локкарт возвращается в официальных и «общественных» кругах Москвы в годы Первой мировой войны и, в том числе, в предреволюционные и первые революционные месяцы. Это, пожалуй, наиболее трагическое время предощущений, необоснованных надежд и обоснованного скепсиса, время, когда страна окончательно выбирала революционную стезю. Любое свидетельство оттуда очень ценно. Взгляд наблюдательного иностранца, соблюдавшего свой «казенный интерес», — тем паче.

Локкарт напрямую связывает поражение под «Танненбергом» с будущей победой революции, указывает, что пал дух «народа, лишённого, вследствие ли своих расовых черт, вследствие ли климатических условий страны, дара выдержки». Вообще, недостаток стойкости, выдержанности, фатализм —

такие качества русских отмечаются неоднократно. Для англичанина это, очевидно, типично восточные, азиатские качества, которым противостоит западный рационализм, последовательность, настойчивость в достижении цели. Вот впечатления от Владимирской горки в Киеве: «Здесь, где предприимчивые американцы или англичане выстроили бы отель или санаторий, русские воздвигли памятник святому Владимиру». Дальнейшей рефлексии не будет, автор бросает замечания, сравнения, соображения о русском характере похода, но эта ненарочитость и делает их ценными. Или же: после революции имярек стал «подобно многим русским либералам, страстным реакционером». Такие наблюдения, будучи неприятными для русского национального чувства, всегда полезны. Русский читатель не раз остановится перед весьма неожиданными для него сопоставлениями. Так, про посещение Киева Локкарт пишет: «Береговой пейзаж напомнил мне Квебек».

Локкарт занимался по службе и союзнической пропагандой, точнее, воздействием на русскую прессу, возглавив на рубеже 1915–1916 годов московский отдел соответствующей службы. Для него Земский и Городской союзы — полезные организации, которым «армия была обязана целой сетью лазаретов и предприятий по изготовлению средств обороны, без которых ее сопротивление было бы сломлено значительно раньше». А оппозиционность этих организаций выросла только из-за недоверия царской администрации и бесконечных препон, чинимых ею в их деятельности. С таким взглядом уж никак не согласились бы русские правые, да и многие старшие офицеры Русской армии. В то же время английский дипломат подтверждает

многочисленные мнения русских участников событий: «...несмотря на большое количество раненых, военный дух был в Киеве гораздо бодрее, чем в Москве. Вплоть до того момента, как вспыхнула революция, воздух по мере приближения к фронту вообще становился свежее. Лучшие элементы России, лишь с некоторой примесью наихудших, находились в окопах. Россию погубил ее тыл, а не фронт». Локкарт отмечает, что притчи «вообще хорошо удаются прошедшим через школу цензуры русским». Такой «притчей» он полагает известную метафору В. Маклакова о шофере. Причем для англичанина это — выражение трагизма ситуации в стране, в то время как для русских слушателей и читателей — скорее образчик политического сарказма и умения обойти цензуру.

С начала 1918 года он попадает в весьма двусмысленное положение. Фактически молодой дипломат становится полуофициальным представителем Великобритании при новорожденном советском правительстве. Начинается большая дипломатическая игра последнего года Великой войны и формирования «версальского» послевоенного мира. Локкарт, с одной стороны, лишен статуса и лоска официального дипломата великой державы, с другой — получает известную свободу рук и возможность проявить качества дипломата, разведчика, представителя интересов своей страны. Он наблюдает советских «вождей», их взаимоотношения, дает интересные и, надо признать, выразительные характеристики представителям нарождавшегося советского истеблишмента. Локкарт неоднократно, в разном настроении, видит Троцкого и общается с ним, на его горизонте оказываются Радек, Петерс, Луначарский, Чичерин, Карахан. Для него, как

и для многих, Ленин и Троцкий — лидеры-антиподы. Троцкий — страстный, артистичный, «готовый умереть, если соберется достаточное количество зрителей». Ленин — совершенно рациональный, спокойный, готовый проговаривать все свои цели до конца, и безусловный авторитет для остальной большевистской головки. Для него Ленин «был беспристрастен, почти бесчеловечен и абсолютно недоступен для какой-либо лести», это человек, прежде всего, с колоссальной силой воли и решимостью. Такая характеристика резко контрастирует с образом «самого человеческого человека», любимого всеми заботливого «Ильича», который лепился и тиражировался долгими десятилетиями официальной пропагандой в СССР.

Автор добавляет впечатлений иностранца в тот огромный вал озвученных в мемуарах впечатлений от первых недель и месяцев революции, который ныне доступен русскому читателю. Чрезвычайно показательны его описания прибытия в 1917 году английских и французских социалистов для увещевания русских товарищей продолжать войну. Социалистическая солидарность не сработала. Западные социалисты были поражены бесконечным словоговорением русских единомышленников, в итоге визиты, речи и обсуждения ушли в песок, хотя на них, кажется, возлагали серьезные надежды правительства Англии и Франции.

Сюжеты, слабо знакомые массовому читателю — первые месяцы работы советской машины власти, переезд правительства в Москву и его там обустройство, — находят подробное и увлекательное описание у Локкарта. Книга дарит множество интересных деталей как предреволюционной жизни, так и первых месяцев советской власти, когда еще не

вступил в свои права зловещий «военный коммунизм». Жизнь менялась, но изменения эти были неравномерны. По-прежнему хороши театральные спектакли, однако по их окончании раздается «Интернационал». Можно съездить в юсуповское Архангельское, — землю мужики поделили, но в усадьбе все по-прежнему. В кабаре «Подполье» (вряд ли особенно глубокое, — из-за нарочито вызывающего названия) рекой льется шампанское и поет Вертинский. Правда, посетителей в конце представления сноровисто и сравнительно корректно ограбили. Множество таких подробностей существенно дополняют картину пореволюционной жизни, так как именно об этом периоде свидетельств не так много.

Завершающая часть воспоминаний связана с еще одним ярким именем. Это «Мура» — знаменитая «железная женщина» М. Закревская-Бенкендорф-Будберг. У Локкарта был с ней роман, прерванный его высылкой из Советской России в октябре 1918 года. Английский дипломат и разведчик дает свой портрет этой незаурядной личности, оставившей заметный след в пред- и пореволюционных событиях в России.

Очень ценны и замечания по поводу взаимоотношений в самой посольской и консульской среде союзников. Читатель получает возможность увидеть глазами англичанина фигуру английского посла в России сэра Бьюкенена. Этот человек часто ставится едва ли не в центр предреволюционных политических интриг, приведших к падению монархии. Англичан часто и обоснованно подозревают в крайней неразборчивости в политической борьбе. Обширная мемуарная и исследовательская литература затрагивает, с разных позиций, вопрос о роли английского посольства в заговоре против

императора Павла, в один ряд выстраиваются финалы судебных Грибоедова, Виткевича, наконец, Распутина. Локкарт дает свое свидетельство о стремлениях и настроениях представителя Великобритании в Российской империи. Образ Бьюкенена, нарисованный рукой Локкарта, весьма привлекателен. Однако не забудем, что Локкарт был и секретным агентом, а не только дипломатом, так что какие-то вещи намеренно оставлял за кадром. Его сын впоследствии утверждал, что, например, взаимодействие Локкарта со знаменитым С. Рейли носило более тесный характер, чем сам Локкарт публично признавал. Автор весьма остроумно описывает разногласия в действиях и статусах многочисленных английских миссий в России. «Так как семь одновременно проводимых различных политических методов никоим образом не могут быть названы политикой, то можно сказать, что никакой английской политики в России в то время, в сущности, не велось». Речь идет о 1918 году, когда то ли «агент», то ли «дипломатический представитель» Великобритании Локкарт пребывал в не совсем ясном статусе при советском правительстве.

«Буря над Россией» рисует картину деятельности иностранной миссии в России, внутренней ее жизни, взаимодействия с другими посольствами и миссиями, общей жизни иностранной колонии в Петербурге и Москве. Локкарт, в частности, пишет о том, что французский посол Нуланс своим недоверием и давлением буквально загнал «несчастливого» Жака Садуля в лагерь большевиков. Садуль известен как французский коммунист, автор мемуаров о пребывании в России. Автор проникательно пишет, что «как немцы, так и союзники совершали ту ошибку, что подходили к России с масштабом мировой

войны». Очень выразительны страницы описания взаимодействий, с весны 1918 года, британских и германских дипломатов. Локкарт показывает, насколько непонятны были события русской революции для иностранцев, — и для опытных дипломатов, и для министерских чиновников; и британцы, и германцы одинаково слабо преуспевали в поиске и использовании рычагов воздействия на большевистское руководство. Данный сюжет — один из важнейших и в русской мемуаристике: почему это произошло, почему произошло именно так, почему едва ли не все ждали революции, и едва ли не всем пришлось жестоко разочароваться. Книга Локкарта дает лишний повод задуматься о природе большевизма как масштабного культурного и политического явления.

Находясь в выигрышной ситуации иностранного представителя, хотя и рискуя жизнью в быстро менявшихся обстоятельствах, Локкарт уделяет много внимания личным, неформальным отношениям, которые неизбежно возникают между людьми, которым суждено взаимодействовать. Так, находясь в заключении, он слушает откровения страшного чекиста Петерса, спровоцированные днем рождения, мы видим, как «толковая и тактичная» секретарша самого Троцкого становится английской подданной, выйдя замуж за британского корреспондента «Манчестер Гардиан». Его же самого, «Дон Кихота», слишком тесно общавшегося с советскими кругами, автору пришлось брать под защиту от обвинений в большевизме уже со стороны английской контрразведки.

Английский мемуарист приметлив, ироничен и часто грустен. Заметно, что Россия стала частью его жизни, в ней остались друзья, любовь, несколько

Челноков показывал мне писанные на пишущей машинке записочки, в которых Распутин просил о предоставлении местечка кому-либо из его протеже. Эти записки бывали подписаны какими-то каракулями, долженствовавшими изображать буквы «Г» и «Р» — Григорий Распутин. У Челнокова хватало даже мужества не придавать этим рекомендациям ни малейшего значения.

5

Инциденты в консульстве

Вместе с наступлением зимы, начавшейся в 1915 году довольно рано, военные действия приняли позиционный характер, и политическая агитация на время приостановилась. Наша жизнь шла своим чередом. Жена и я не меньше шести раз ужинали вне дома. К обеду у нас обычно бывали гости, часто это были английские офицеры, отправлявшиеся в штаб какой-либо из русских армий и проезжавшие через Москву. На устраивавшихся моей женой раз в неделю вечеринках, волки, благодаря ее светскому такту, мирно паслись наряды с овцами. Хотя жена моя испытывала особое удовольствие, если ей удавалось привлечь парочку социалистов; к нам на прием являлись все лица, занимавшие известное общественное положение,

комендант Кремля наряду с губернатором, градоначальник и представители генералитета, не всегда певшие в унисон с правительством или местной администрацией. Посещали нас также богатые московские купцы, артисты, писатели, балетные артисты и левые политические деятели, чувствовавшие себя в этом кругу несколько смущенно и неуверенно. Никаких трений при этом не происходило, за исключением одного случая, когда Саша Кропоткина, дочь знаменитого старого анархиста, во время спора о петербургском пораженчестве чуть было не вступила в драку с графиней Клейнмихель.

Это соприкосновение разнообразнейших слоев русского общества служило на пользу как им, так и нам. Для них это падение общественных барьеров представляло собой новинку, для нас оно являлось источником богатой информации.

В воспоминании с особой отчетливостью встают забастовки, политические выступления, военные поражения, но повседневной пищей являлись заседания с органами английской колонии, принявшими на себя попечение о раненых и беженцах, участие в правительственных комиссиях и комитетах по снабжению армией, огромная шаблонная работа в консульстве, которая уже сама по себе, независимо от политической деятельности, отнимала массу сил и времени. Известное разнообразие вносили те случаи, когда моя прислуга вдруг отказывалась работать или, вернее, ступить на порог нашей квартиры, в виду того, что в ней-де шалит и бьет посуду какая-то нечистая сила.

Меньше развлечения доставляли мне частые столкновения в среде персонала консульства, возросшего со времени прибытия беженцев из Вар-

шавы. В числе прочих Бейлей оставил мне одного, в свое время довольно популярного лондонского адвоката по фамилии Гринеп. Этот неизменно элегантно одетый пожилой господин своими седыми волосами, благородными чертами своего лица и своим моноклем придавал консульству какой-то аристократически оттенок. Гринеп был приятнейшим собеседником, когда он бывал хорошо настроен, и работу свою исполнял безукоризненно. Но он отличался чрезвычайно вспыльчивым характером и был настороже на случай малейшей провокации.

То жаловался он на недостаточную почтительность Александра, то на Сен-Клера, бывшего варшавского вице-консула, наполовину поляка и наполовину шотландца, отличавшегося чисто шотландской гордостью. Трения в составе консульского персонала удавалось улаживать, но гораздо труднее бывало справляться с инцидентами, возникавшими между Гринепом и посторонними посетителями консульства. Я, правда, старался, чтобы он по возможности не покидал своего рабочего кабинета, но иногда ему все же приходилось показываться в приемном зале. Два столкновения доставили мне особенно много хлопот. Однажды утром я, занятый в своем кабинете расшифровыванием важной депеши, вдруг услышал донесшийся из приемной резкий крик Гринеп:

— Вы сделаете то, что я Вам сказал, или немедленно покинете консульство.

Я подоспел как раз вовремя, чтобы помешать Гринепу наброситься на какого-то багрового от злости английского артиллерийского майора, апеллировавшего ко мне со словами:

— Консульство подчинено Вам? В таком случае извольте позаботиться о том, чтобы мне немедлен-

но дано было удовлетворение, или я буду жаловаться Министерству иностранных дел. Этот господин позволил себе оскорбить военный мундир!

Подле барьера, отделявшего канцелярию от публики, стоял Гринеп и, указывая рукой на портрет короля, повторял все тот же рефрен:

— Снимите Вашу фуражку перед Его величеством!

Офицер, оказывается, войдя в приемную, не снял фуражку, а проходивший через комнату Гринеп обратил его внимание на висевший там портрет короля и сказал ему любезным тоном:

— Разве Вы не видите, что здесь висит портрет короля? Мы здесь не на вокзале.

Офицер не реагировал на эти слова. Гринеп повторил свое предложение более повышенным тоном, и пошла писать губерния.

Гринеп, разумеется, проявил слишком большую вспыльчивость, но и офицер, настаивавший на своем праве не снимать фуражки не оказался образцом тактичности. Если бы не то обстоятельство, что офицер был, в свою очередь, не слишком-то сдержанным, бедняга Гринеп мог вылететь со службы. В докладе послу я распределил свои упреки равномерно между обоими действующими лицами и выставил весь инцидент в таком свете, что он дальнейших последствий не имел.

Другое столкновение — между Гринепом и богатым армянином, братом знаменитого Никиты Балиева, — прошло значительно менее безболезненно. Гринеп в свободные от службы часы давал уроки английского языка богатым москвичам. С одним из его учеников, Балиевым, у него произошли какие-то пререкания, очевидно, по вопросу о гонораре... Во всяком случае он имел против него

зуб, который и дал ему почувствовать, когда Балиев пришел как-то в консульство за визой. Гринеп случайно оказался, к сожалению, в приемной, и вид этого богатого господина, который, по его мнению, не доплатил ему заработанных в поте лица денег, вывели Гринепу из себя. Я старался успокоить страсти и полить маслом взбушевавшиеся волны. Но у Балиева имелись свидетели, и он непременно хотел привлечь Гринепу к суду. К счастью, адвокаты обеих сторон, с которыми я был в очень приятельских отношениях, изо всех сил старались избежать общественного скандала. Всякими неправдами нам удалось, наконец, склонить Балиева к тому, что он согласился не подавать жалобы, если Гринеп в присутствии персонала консульства и поверенного Балиева возьмет свои слова обратно и произнесет какую-то сложную формулу извинения, в которой неоднократно упоминалось слово «джентльмен» и говорилось о достойном джентльмена поведении. Гринепу пришлось, скрепя сердце, пойти на эти условия, когда я ему разъяснил, что судебный процесс неизбежно повлечет за собой его увольнение со службы.

Текст извинительной формы был переписан начисто, протокол был средактирован обоими адвокатами и мной. В приемной для публики восседали как мумии за своими пультами три машинистки и служивший в консульстве латыш. По ту сторону барьера в той части зала, которая предназначалась для посетителей, стоял Балиев со своим адвокатом. Я вывел Гринепу из его кабинета, поставил его по другую сторону барьера и втиснул ему в руку текст извинительной формулы. Он надел свой лучший костюм, старательно причесался, вставил в глаз монокль. Лицо его было белее мрамора. Только по тому,

как дрожал в его руке листок бумаги с текстом, можно было судить, до чего его душила злорада.

— Начинать? — спросил он меня шепотом и стал читать идиотский документ, причем лицо его по мере чтения все больше наливалось краской, до тех пор, пока он не стал походить на индюка. Жирный, весь потный от страха, Балиев старался смаковать унижение англичанина. В заключение Гринеп окинул своего врага уничтожающим взглядом, скомкал листок бумаги, воскликнул:

— Вот Вам Ваш фунт мяса! — и покинул помещение.

В ноябре 1915 года посол сообщил мне, что Министерство иностранных дел решило, в признание моих заслуг, оставить меня во главе генерального консульства до окончания военных действий. Это письмо посла я использовал с апломбом в той перестрелке, которую вел в последнее время со своим непосредственным начальством по вопросу о моем вознаграждении. Мне приходилось расходовать на представительство значительно больше, чем Бейлею, а мое жалованье и отпуславшиеся в мое распоряжение специальные суммы оставались неизменными. Посол также замолвил за меня словечко, но даже послы бессильны против рутины личного отдела Министерства и служащих казначейства. Письмо посла не подействовало на упрямую лондонскую бюрократию, но ему удалось пробить брешь в сердце моей бабушки. Эта старая дама, питавшая слабость ко всякому успеху, пришла в восторг от похвального отзыва посла о моей деятельности. Как надлежит обращаться с бабушкой, я научился от моего брата Нормена, который еще в бытность свою учеником четвертого класса Малбороусского колледжа составил для

нас образец письма, коим мы впоследствии часто пользовались:

«Милая бабушка, мне очень нравится в школе. В будущий вторник день моего рождения. Здесь у всех мальчиков имеются фотографические аппараты. Они делают много снимков. Погода стояла все время превосходная. Мы дольше играли в хоккей, чем в футбол. Я теперь в четвертом классе. Моего классного наставника зовут Тейлор, но мы дали ему кличку Трильби. Он пастор. Я еще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь молился быстрее, чем он. Надеюсь, что ты чувствуешь себя хорошо, милая бабушка. Я надеюсь, что тебе не слишком холодно теперь в Эдинбурге. По закону Божию я был последнюю неделю первым учеником. Твой преданный внук Нормен.

P.S. У меня нет фотографического аппарата.»

Пламенными красками изобразил я бабушке подвиги шотландцев в России, описал все, что сделали Брюсы, Гордоны, Гамильтоны для основания Петербурга и как они отличились в войнах, которые вел Петр Великий. А разве величайший русский поэт Лермонтов не происходил из шотландского рода Лирмонтов? Я перечислил всех знаменитых людей, с которыми познакомился. Я описал парадные обеды моих коллег и моих русских друзей. В постскриптуме я выразил непоколебимую надежду на победу, если только удастся оправиться со всевозрастающей дороговизной жизни.

Быть может, моя бабушка в честолюбивых мечтах своих уже видела, как под моим влиянием истощенные русские вновь преисполняются воинственным духом. Или, может быть, мои стратегические ухищрения доставили ей такое же удовольствие, как некогда хитрые уловки моего брата. Во всяком случае чеки, и притом на весьма изрядные сум-

мы, не замедлили появиться, как некогда появился и желанный фотографический аппарат.

Мир праху ее! Она была женщиной крупного калибра и обращалась со мной лучше, чем я тогда заслуживал, даже тогда, когда я потерпел крушение. Без ее помощи я погиб бы в Москве. А господам из личного отдела Министерства иностранных дел пусть это не мешает спать сном праведников. Я не питаю против них злобы. Эта бюрократическая игра в пинг-понг с ее входящими, исходящими и оправдательными документами существовала еще в те времена, когда на Олимпе восседали боги и будет продолжаться во веки веков. Я хотел бы только замолвить словечко в пользу некоторого ослабления строгих правил этой игры в военное время.

6

Доклад маршала По

В течение последних недель 1915 года мне пришлось усиленно работать по политической части. Союзники стали серьезно тревожиться за судьбу России. Из Франции и Англии приезжали делегации, их приходилось принимать, сопровождать. Ими пополнялся обычный круг наших посетителей, состоявший из таких лиц, как полковник Нокс, сэр Самуэль Гор, управляющий одним из отделений разведки, генерал сэр Джон Хенбери-Виллиамс и адмирал сэр Ричард Филимор, прикомандированные

к царю. В военных вопросах лучше всех был информирован полк[овник] Нокс, который уже много лет жил в России и очень рано обнаружил трещины русской постройки. Не его вина, что союзники переоценили силы России. До революции никто не имел такого правильного представления о положении дел на восточном фронте, как Нокс.

Хенбери-Виллиамс производил на всех чарующее впечатление и приобрел массу друзей. Адмирал Филимор пожинал лавры тем, что вставал в семь, а, может быть, даже в шесть часов утра, что производило фурор в стране, где никто не поднимался раньше девяти или даже десяти часов. Сэр Самуэль Гор справлялся с самыми непредвиденными затруднениями с той энергией и выдержкой, благодаря которым он впоследствии получил министерский пост. В военных кругах не очень-то симпатизировали его миссии, да и нелегко было понять, почему мало, в сущности, подготовленный человек должен был выполнять работу специальных органов. Но он все же хорошо справлялся с возложенными на него обязанностями. С присущей ему настойчивостью и навязчивым усердием взялся он за дело, изучил русский язык и работал без устали. Он проник в самые разнообразные слои населения, собирал информацию из всевозможных источников и лучше всех остальных офицеров разведочной службы умел отличать зерно истины от плевел слухов.

К этим постоянным нашим гостям прибавились, как выше указано, еще проезжающие. Сначала пожаловала французская делегация, направлявшаяся в Румынию с целью противодействовать там германскому влиянию и вести пропаганду в пользу вступления Румынии в войну на стороне союзников. Делегация состояла из знаменитого есте-

ствоиспытателя Шарля Рише, историка Лакур-Гайе и прежнего издателя «Revue Hebdomadaire» Гаво. Она оставалась в Москве довольно продолжительное время. Прошли недели, прежде чем она добилась своей цели и преодолела все препятствия, которые ставил ей никто иной, как французский посланник в Бухаресте.

Это посещение осталось в моей памяти по трем поводам: хорошему, тщеславному и сомнительному. Хороший повод заключается в том, что в лице Рише я познакомился с самым выдающимся и самым привлекательным из когда-либо мною виденных людей. В том, кто был близок к политическим и военным кругам, руководившим войной, мало сохранился от его веры в так называемых великих или выдающихся людей. Самые выдающиеся люди обычно умирают до того, как их начинают признавать, и на бесплодных полях современной политики или военного дела их приходится разыскивать днем с фонарем.

Но Рише один из тех редких гениев, которые пользовались признанием еще при жизни. Он необычайно скромен, отличается чисто детской естественностью, совершенно обезоруживает. Он строитель первого современного аэроплана, пользующийся большой известностью поэт и писатель, а в качестве медика удостоен Нобелевской премии. Война похитила у него шестерых из его семи сыновей, но не оставила в его сердце никакой горечи и никакой иной ненависти, как ненависти к ненависти. Он еще жив и в свои восемьдесят лет поныне еще является почти единственным французом, борющимся против шовинистического национализма и узкого эгоизма отдельных народов.

В свою бытность в Москве Рише, разумеется, был настроен чрезвычайно патриотически. Он рас-

считывал, что победа союзников приведет к гибели милитаризма. Как удачно отстаивал он перед русскими интересы Антанты! Как скоро постиг он характер русского народа! После своей первой московской речи, превосходного образчика ораторского искусства, произнесенной в присутствии всей московской профессуры, он отвел меня в сторону и сказал:

— Это наша война, война Англии и Франции. Мы должны быть сильны и рассчитывать исключительно на самих себя.

Второй причиной, вследствие которой посещение французской делегации запечатлелось в моей памяти, является то обстоятельство, что мне тогда чуть было не случилось впервые официально выступить с большой политической речью (произнесенное мной как-то краткое вступительное слово на русском языке при освящении одного лазарета в счет не идет). Я должен был выступить в качестве военного пропагандиста за обедом, который Английский клуб в Москве дал в честь французских гостей. За день до этого я, однако, внезапно заболел гриппом и воспалением миндалин, свалился без чувств у телефона, к которому подошел, чтобы вызвать врача, и поранил голову о телефонную трубку. Возможно, что это было к лучшему, потому что все три француза были блестящими и опытными ораторами. Мне было гораздо выгоднее дебютировать пред моими соотечественниками, являющимися, по моему мнению, самыми плохими ораторами на свете как парламентскими, так и вообще. К такому заключению я пришел на основании продолжительного опыта, так как мне пришлось побывать во всех европейских парламентах и слышать самых выдающихся заграничных ораторов.

Третьей причиной, несколько сомнительного свойства, явилось то обстоятельство, что моей жене удалось тогда раздобыть один довольно важный политический документ. Вот как это произошло. Я уже упомянул о том, что французской делегации пришлось против воли оставаться продолжительное время в Москве из-за палок, которые совал им в колеса французский посланник в Бухаресте Блондель. Они были чрезвычайно озлоблены и не скрывали ни своей досады, ни своего намерения впоследствии отыграться в Париже. Чрезвычайно подходящим оружием для выступления против бухарестского посланника показался им доклад маршала По, однорукого генерала, только что перед этим тщательно обследовавшего положение Румынии. Мы знали, что генерал По в этом своем докладе говорит обо всем с полной откровенностью, и нам очень хотелось познакомиться с его содержанием. Один из трех французов, не хочу сказать, который именно, ибо все они еще живы, квартировал у нас. Как и большинство французов, он был большой охотник поухаживать за дамами. Этот чрезвычайно солидный и уважаемый профессор как-то растаял в теплой и легкомысленной атмосфере московского общества. Он сделал мою жену своей наперсницей, рассказывал ей больше, чем бы полагалось, и раз как-то в качестве средства против головной боли предложил ей прочесть пресловутый документ, который она целиком и переписала. Неприкрашенность военного стиля вошла в поговорку, но откровенность французского маршала могла бы смутить любого вахмистра. Без всяких прикрас и обиняков высказывал он свое мнение. Он никогда при этом не щадил и подробно сообщал о по-

литических симпатиях всех видных лиц и о том влиянии, которое они имели в высших сферах. Столь же неприкрашены были характеристики посланников Франции, Англии и России и описание их ссор и интриг, подающих дурной пример румынскому обществу и парализующих их дипломатическую работу. Пессимистические выводы маршала По оправдались впоследствии. Доклад маршала повлек за собой значительные перемещения в Румынии. Английским военным атташе был назначен К. Б. Томсон, впоследствии друг Рамзая Макдональда, лорд и министр, погибший во время катастрофы воздушного корабля R101.

Удивительно, до чего оптимистический характер носили записи в моем дневнике в начале января 1916 года. Этим оптимизмом я был обязан в первую очередь моему русско-греческому другу Ликиардопуло, который вернулся из предпринятой им информационной поездки по Австрии и Германии. Под видом греческого торговца табаком он посетил самые крупные города обеих этих стран. Москву он покинул в чрезвычайно пессимистическом настроении, убежденный в том, что германское оружие непобедимо. Когда он вернулся, то был преисполнен наилучших надежд и уверял всех, что немцы страдают от войны еще в значительно большей степени, чем русские, и что Россия может выдержать дольше, чем Германия. С точки зрения материальных запасов он был, конечно, прав, но он ее учел разницы характеров обоих народов, степени их выдержки.

Как бы то ни было, вести, привезенные Ликиардопуло, чрезвычайно приободрили Москву, и на протяжении нескольких недель с ним носились как с национальным героем.

7

Челноков
у царя

Еще более благоприятное впечатление произвел прием, оказанный царем в ставке в Могилеве князю Львову и Челнокову. Аудиенцию устроил начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев, человек, в котором искренний патриотизм сочетался с присущим солдату в известной степени презрительным отношением к политике. До тех пор, пока Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич, Земский и Городской союзы обращались со своими ходатайствами непосредственно к нему. Несколько неудачнее сложилось их отношение к царю, который был недоволен их резолюциями и не желал принимать их представителей, так что по прибытии в Могилев делегаты велели доложить о себе не царю, а только Алексееву. В качестве московского городского головы Челноков привез армии привет от сердца России и постановление Городской думы о недопустимости непобедоносного мира. Алексеев, который высоко ценил исполинскую работу общественных организаций по снабжению армии, хотел перебросить мост от союзов к царю.

— Никакой критики действий самого царя! — сказал он им. — Виновны во всем только окружающие его каналы. Подождите здесь. Я отнесу царю ваши резолюции.

Он вернулся с повелением отвести Челнокова к царю. Широкоплечий городской голова зако-

вылял в комнату царя, который встретил его с резолюцией в руках.

— Почему это прекрасное ходатайство не было передано мне непосредственно? — спросил царь.

Челноков забормотал извинения и просил у царя милостивого разрешения передать ему привет Москвы. Он стал в позу, торжественно продекламировал всеподданнейший адрес и огласил резолюцию. Царь был чрезвычайно приветлив.

— Я совершенно согласен с заявленным ходатайством, — сказал он. — Мы заключим мир не раньше, чем одержим решительную победу. Вы правы также, выражая признательность армии. Армия заслужила того, чтобы мы стали перед нею на колени.

Затем царь осведомился о положении в Москве. Городской голова ответил, что наблюдается некоторый недостаток отопительных материалов и предметов продовольствия, так как на железной дороге царит беспорядок. При таких условиях можно опасаться возникновения зимой народных волнений. На это царь заметил, что нужно быть снисходительным к людям, которые позволяют себе какие-нибудь эксцессы от голода и холода, но не преувеличивает ли городской голова? Челноков ответил и царь закончил аудиенцию словами:

— Все, что в моей власти, будет сделано.

Челноков и князь Львов были довольны исходом аудиенции, как школьники. Эти почтенные, умудренные опытом, люди были прямо на седьмом небе от радости. Царь-де держал себя великолепно. Теперь уже никто не будет препятствовать их работе. Армия на их стороне. Петербург? Что может им сделать Петербург? Армия важнее и сильнее правительства.

Увы, надеждам этим не суждено было оправдаться. Судьба не позволила царю отклониться от предначертанного ему трагического пути. Немного человеческого здравого смысла, несколько добрых слов, и царь мог бы создать из верности и патриотизма подавляющего большинства русского народа мощную опору для своего трона. Как мало от него требовалось, доказал мне восторг этих двух политических деятелей, которые по природе своей являлись меньшими революционерами, чем, например, Ллойд Джордж. Они сделались революционерами не по своей воле и стали впоследствии первыми жертвами своей революции. Для этого немного царю не хватило инициативы. Старая система осталась в неприкосновенности. Работе народа на пользу войны продолжали по-прежнему ставиться препятствия. Министр, который проявлял симпатии к этой работе, был конченный человек. Один за другим были принуждены сойти со сцены патриоты и люди, облеченные доверием народа. Всеобщее отчаяние подтачивало корни монархических чувств, воспитанных тремя столетиями. Сознание неизбежности катастрофы подавляло меня, но на людях я обязан был притворяться уверенным в успехе, выступать спокойно и решительно и говорить о победе союзников как о чем-то само собой разумеющемся.

В феврале 1916 года меня вызывали два раза в Петербург. Под эгидой Вальполя-Гарольда Виллиамса, этого наиболее выдающегося и вместе с тем самого скромного из наших знатоков России, был образован новый отдел английской службы пропаганды. Один из его подотделов должен был находиться в Москве, и руководство им было возложено на меня. Моим главным сотрудником был

юркий, расторопный Ликиардопуло. В то время как центральное петербургское бюро было организовано на широкую ногу, я руководил московским подоотделом, оставаясь скромно в помещении консульства, без рекламы и шума. Оказывать влияние на прессу было легче, если она не чувствовала воздействия официальной пропаганды. Работа доставляла мне удовольствие, но имела и свои неприятные стороны. Особенно щекотливой задачей являлся выбор тех московских журналистов, которые должны были отправиться в Англию, чтобы убедиться в том, какая там производится грандиозная военная работа, и положить конец злым сплетням об английском флоте, содержанием под стеклянным колпаком, и о решимости Англии воевать до последней капли крови русского солдата. К тем писателям, которых я избрал или которых мне указали избрать, принадлежал и граф Алексей Толстой, человек столь же даровитый, сколь и любящий материальные блага, ради которых он, к слову сказать, и заключил впоследствии мир с большевиками. Написанием одной или двух драм, направленных против Романовых, он купил себе право жить как индивидуалист и буржуй в той стране, где даже литература стала коллективным делом.

Приблизительно в то же время мне было поручено подготовить в течение двух дней прием английской морской делегации, поездка которой в Россию входила в программу новой кампании пропаганды. На 15 февраля был назначен приезд семи офицеров нашей подводной флотилии, находившейся в Балтийском море и потопившей пару немецких крейсеров и несколько вспомогательных судов.

Английская колония и мои русские друзья с большим увлечением принялись за подготовительную работу. В один вечер мы выработали программу торжества. Мой друг Челноков обещал организовать большой прием в Городской думе, а госпожа Носова, сестра московских Крезов братьев Рябушинских, — устроить парадный обед на сто персон и бал. Кроме того, были назначены раут у княгини Гагариной и торжественный спектакль в опере. Директор «Летучей Мыши» Балиев и Московский художественный клуб предложили свои неоценимые услуги. Английский клуб устроил первый из тех русско-английских банкетов, которые вплоть до того, как вспыхнула революция, являлись в Москве *pièce de resistance* англо-русской дружбы.

Визит наших моряков принял характер триумфа. Наши флотские офицеры обладают в гораздо большей степени, чем наши армейские офицеры, талантом импонировать иностранцам, не задевая их самолюбия и держать себя непринужденно, не позволяя себе ничего лишнего. Среди них очень мало канцелярских крыс и педантов.

Мои семь офицеров с легкостью приспособились к возложенному на них представительству. Они выступали с одинаковой уверенностью как в кругу балерин, так и в кругу высших сановников. Стоявший во главе делегации, зрелый не по летам Кромби покрыл себя славой. «Алатырь», клуб художников и артистов, устроил в честь юных гостей ужин с импровизированным кабаре, в котором выступили самые выдающиеся московские танцовщики и певцы. В разгаре вечера, когда настроение было уже очень приподнятое, русские стали требовать, чтобы Кромби произнес речь. Они повели его на маленькую

сцену, и Кроми, нисколько не смущаясь, тряхнул своей байроновской головой с густыми бровями и бачками и обратился к присутствующим со следующими словами:

— Милостивые государыни и милостивые государи! Все вы — служители искусства. Вы музыканты, поэты, рассказчики, художники, композиторы. Все вы творцы. То, что вы творите, надолго переживет вас. Мы простые моряки. Мы только уничтожаем. Но мы вправе сказать о себе, что мы занимаемся в эту войну уничтожением для того, чтобы жили создания вашего творчества.

Это была самая краткая и самая эффектная из речей, слышанных мной в России.

Русские были в восторге. А так как одновременно с приездом нашей делегации пришло еще и известие о взятии русскими войсками Эрзерума, то четыре дня пребывания наших моряков в Москве превратились в одно сплошное радостное празднество. Программа торжеств содержала, однако, один неприятный для меня момент — во время обеда в Английском клубе мне предстояло выступить с первой большой речью. Два дня я упражнялся перед моей женой и верным Лики, который в качестве секретаря Художественного театра был специалистом по части декламации. Я был столь же смущен, сколь и взволнован. Ни мои слушатели, ни сам я не могли удержаться от слез, когда я в кратких словах упомянул о тех, которые в буквальном соответствии с библейским текстом «desendum mare in navibus». В газетах не появилось, к сожалению, никаких заметок о моем успехе, так как, по настоянию русского морского штаба, приезд англичан должен был держаться в строжайшем секрете. Он опасался за судьбу бал-

тийской эскадры, если до сведения немцев дойдет, что командиры английских подводных лодок не находятся на своих постах.

После их отъезда Москва снова впала в свой прежний военный пессимизм, который отличался от петербургского тем, что в нем не было ни озлобленности, ни пацифистических настроений. Москва все еще хотела сражаться до конца, но уже предвидела, что конец этот окажется ужасным.

8

Поворотный пункт

Весной 1916 года мое настроение было особенно мрачным. Даже Челноков стал жаловаться на нас, на неаккуратность, которую проявляли английские фирмы в деле военных поставок. Я впервые начал сомневаться в победе союзников. На некоторое время меня приободрил неожиданный визит Вальполя, в полном блеске его краснокрестного мундира, с его заразительным энтузиазмом и освежающей впечатлительностью. Он приехал прямо из Англии, где тогда как раз вышла и имела такой огромный успех его первая книга о России. Истинным подарком явилось для меня сообщение Вальполя о том, с какой признательностью отзывались в его присутствии лорд

сый французский генерал, который, стоя на коленях, отмерял носовым платком расстояние, отделяющее рублевые монеты от цели. Немножко больше красноречия — и нам удалось бы уговорить командира караульной команды принять участие в нашей игре. Он отказывался, но видно было, что ему ужасно хочется попробовать свои силы в игре. Может быть, он опасался, что москвичи сочтут эту игру недостаточно пролетарской и поставят ему участие в ней в вину. Победила Англия, или, вернее, Шотландия. Мы были более тренированы. В мои школьные годы я по субботам немало практиковался в этой игре.

Одновременно с игрой закончилась и наша мука ожидания. Как раз в то время, как мы поднимали с земли наши рубли, появился комендант с телеграммой в руках. Все было в порядке, и финляндский поезд ждал нас по ту сторону границы. Затем он еще принес петербургские газеты, полные интересных новостей. Болгария разбита и подписала договор о перемирии. Австрия просит мира. Линия Гинденбурга прорвана. На моих товарищей известия эти подействовали самым ободряющим образом. Почти для всех их дальнейшая поездка являлась освобождением, счастливым пробуждением от тяжкого сна. Они могли снова надеяться. В моей душе не было никакого подъема. Мы отправлялись вперед, а мои мысли влекли меня обратно в Москву, в ту страну, которую я покидал, — по всем вероятиям, навсегда.

Содержание

Англичанин в России (А. В. Посадский)	5
Часть I. ПОДГОТОВКА К ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЕ	17
1. Соблазны Востока	17
2. Роман с малайской принцессой	31
3. Опять на родине	43
4. Консульский экзамен	52
5. Искусство служить в Министерстве иностранных дел	64
Часть II. ПАНОРАМА МОСКВЫ	71
1. Первый московский кутеж	71
2. Русский язык	84
3. Царь в Москве	90
4. Я становлюсь семьянином, а консульство генеральным	97
5. Консульство выигрывает в общественном мнении	104
6. Англия вступает в войну	113

Часть III. ВОЙНА И МИР.....	119
1. Москва в первые месяцы войны	119
2. Поездка в Киев и возвращение в Москву.....	127
3. Бьюкенен.....	135
4. Распутин у «Яра».....	143
5. Инциденты в консульстве	150
6. Доклад маршала По	157
7. Челноков у царя.....	163
8. Поворотный пункт	169
9. Анекдот Сазонова	176
10. Убийство Распутина.....	180
11. Февральская революция.....	189
12. Львов, Керенский, Савинков.....	196
13. Альбер Тома и Гендерсон в России.....	207
14. Последняя речь	214
Часть IV. ЗА КУЛИСАМИ ИСТОРИИ	221
1. Меня командируют в большевистский Петербург	221
2. Лорд Мильнер.....	232
3. Лондон — Гапаранда — Петербург.....	239
4. Переговоры с Чичериным и Троцким	249
5. Поражение Троцкого в вопросе о войне и мире	259
6. Пара синих глаз	264
7. Первая встреча с Лениным	296
8. С Троцким в Москву.....	276
9. В гуще событий	282
10. Затруднения	288

11. Весенние недели 1918 года.....	294
12. Семь политических методов	298
13. Инцидент из-за помещения для Мирбаха	305
14. Невозможно прийти к соглашению	310
15. Появляется Сидней Рейли	316
16. Вологда	322
17. Я проповедовал глухим.....	329
18. Интервенция союзников и раскол между большевиками и левыми эсерами	337
19. Съезд Советов.....	343
20. Убийство Мирбаха и восстание эсеров.....	350
21. «Интервенция».....	357
22. Мы готовимся к отъезду	363
23. Арест.....	369
24. Так называемый заговор Локкарта	376
25. Второй арест.....	382
26. Три недели в Кремле	388
27. Кремлевское заключение	393
28. Локкарт за Литвинова	400
29. Отъезд.....	406